

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Кровавая оргия

Меня разбудил сильный толчок и глухой рокот. Корабль тошнотворно качнулся и сразу просел. Я вскочил с постели. Новый взрыв вырвал из-под ног пол и швырнул меня к переборке: было такое ощущение, словно череп заполняется абразивной пылью и выдавливаются глаза.

Мир был странно искажен: перекошенный, внезапно потускневший иллюминатор смотрел прямо в воду и ощутимо (так, что схватывало под ложечкой) опускался вниз, в пучину. В каюте отчетливо слышался рев врывающихся в трюм потоков, за тонкой металлической стенкой что-то шипело и суетливо дребезжали истеричные шаги людей.

— Нас взорвали! Террористы!

Сердце свинцовым комком провалилось в грудь, и, скользя по вздыбленному полу, я рванулся к двери. По коридору, пенясь, хлестала вода. Бежали какие-то люди с неузнаваемо-одичалыми, ополоумевшими лицами.

Спасайся, кто может! Спасение там, в том конце длинного, узкого коридора, этого залитого оранжевым аварийным светом аппендицита, где у трапа сгрудилась обезумевшая толпа людей! Оттолкнувшись от дверного проема, я бросился в этот задыхающийся в истерике человеческий поток, натываясь на чьи-то локти, головы и ноги. Несколько секунд я барахтался в этой адской дробилке, потом получил сильный удар по черепу и, теряя равновесие, провалился и полураспахнутую дверь ближайшей каюты-мышеловки. Скользнув по линолеумному голу, я врезался лбом в кромку стола и упал, уткнувшись лицом в иллюминатор.

Там, за толстым холодным стеклом, уже была вода — зеленая, изумрудная, весело поигрывающая преломлениями солнечных лучей, пронизанная хрустальными гирляндами воздушных пузырьков!

Господи! Мы уже погибли! Мы уже мертвецы! Мы, несколько обезумевших крыс человеческого рода, загнанные в герметичные закутки-лабиринты транс-океанского лайнера, лишь переживаем собственную смерть, упакованные в плотную воздушную подушку где-то внутри необозримой корабельной утробы! Боже! Этого воздуха хватит всего на несколько часов, а потом придет агония, мучительная смерть от углекислотного отравления, когда нестерпимая боль начнет распирает череп и раздирать горло, выдавливать из орбит глаза и свертывать в жгут мышцы!

Кажется, я заорал и стал молотить руками по прибывающей в каюту воде. Кровь из ссадины на лбу заливала глаза. Внизу трещали переборки, за иллюминатором зазмеились зеленые водоросли, потом судно трянуло, и оно легло на дно, скрежеща раздавленными под днищем камнями. Внутри его чрева что-то хрустнуло, в коридоре пронесся истошный вопль.

Мой взгляд заметался по каюте. Мозг все еще никак не мог примириться с неминуемостью смерти, все еще верил в возможность какого-то невероятного, фантастического спасения.

Лампа, иллюминатор, металлический шкаф — боже, боже, где же выход?! Господи! Что это?..

В каком-то судорожном рывке мой взгляд упал на нее — на забившийся в угол, сжавшийся на корабельной койке, раздавленный обвалом происходящего комок человеческой плоти.

Господи! Прости меня! Мне же больше не жить! Все равно смерть... Сме-ерть! И никто ничего не узнает... Господи, как я не хочу умирать!

Я встал и шагнул к ней. Мокрые джинсы облепляли мои бедра свинцовой тяжестью. Опустошенные ужасом глаза зафиксировали мое перемещение. Ее беспомощность и подавленность странным образом возбуждали меня: ощущение того, что здесь, рядом, есть кто-то, еще более затерянный, потрясенный, отчаявшийся, чем я, чью мягкую и незащищенную плоть можно безответно рвать и терзать, заводило меня. Не говоря ни слова, я резким движением сорвал с нее тряпки и бретельки. Я даже не глядел толком на нее, но все равно ослепительное сияние вожделения вспыхнуло в моем мозгу. Распалаясь, я стащил с себя рубашку, вместе с трусами содрал с ног джинсы, и мой хищный зверь вырвался на волю перед самым ее лицом, отразившись двумя языками пламени в гипнотически замерших зрачках.

Я не дал ей ни малейшего шанса. Я смял ее, навалился всей массой, распластал на кровати, заткнул рот губами. Разрывая чужую плоть окаменевшим пенисом, я внезапно почувствовал, как тонки и слабы человеческие кости, — ее ребра буквально прогибались под моей тяжестью. Ожесточенно вдавливаясь в нее, я каждый раз всей грудью ощущал эту зыбкость и хрупкость костного корсета, внутри которого, отчаянно пульсируя толчками сердца, бьется жизнь распинаемого и разрываемого мною существа.

Но все кончилось настолько неожиданно быстро, что в последний момент я ощущал скорее досаду и боль, чем удовольствие. Внезапно теряя силы, я отвалился от нее и плюхнулся голым задом в воду.

Странное опустошение навалилось на меня. Мир словно потускнел, стал слепленным сплошь из серых тонов. Воздух был уже заметно сперт. Я сел в воде и подумал, что осталось только одно: дойти до буфета, если его еще не затопило, и выпить до потери сознания, может, так будет легче издохнуть. Я поднялся и, не одеваясь, пошел к двери, тяжело переставляя ноги в прибывающей воде.

— Куда ты? — услышал вдруг за спиной.

Я вздрогнул и обернулся, словно меня ударили хлыстом. Она не должна была говорить, у нее не должно быть, по крайней мере, такого спокойного голоса!

Девушка сидела на кровати, неестественно широко разбросав белые тонкие, как мне показалось, лишённые костей ноги, и, глядя на меня изумленными глазами, закрывала рукой промежность. Наверно, я довольно тупо уставился на нее. Она отняла руку и показала раскрытую ладонь.

— Смотри, кровь.

Я глупо ухмыльнулся.

— Это сделал ты, — в голосе не было никаких особенных эмоций, скорее, несколько удрученная констатация факта.

Я сделал движение в сторону двери — мне становилось не по себе.

— Не надо, — вдруг пискнула она. — Не уходи, я не могу одна! Я боюсь! Не оставляй меня! — она спрыгнула с койки и, с неожиданным проворством накинув брошенную мною рубашку, пошла ко мне.

В эти секунды я смог оценить свою «избранницу»: она была худенькой, как тростинка, и чуть-чуть неуклюжей, может, из-за того, что я ее так зверски разорвал. Мокрая рубашка облепила, казалось, просвечивающие плечи и едва выступающую грудь. Она даже неловко улыбнулась и, подойдя ко мне вплотную, вдруг очень просто спросила:

— Мы ведь умрем, да?

— Нет, — зло сострил я, — будем жить вечно.

— Ну подожди, не уходи! Давай вместе, — бултыхая воду ногами, она двинулась за мной и у самой двери прикоснулась рукой к моему плечу. — Не оставляй меня, что тебе... Что бы там ни было, но я теперь все-таки твоя женщина.

Где-то в горле у меня вдруг встал ком. Я обернулся и увидел эту хлипкую и изящную фигурку с расширенными молящими глазами, возле узких лодыжек которой вода завивала маленькие водоворотики. Что-то внутри меня оттаяло:

— Ладно. Пойдем в буфет и напьемся, чтобы ничего не чувствовать.

Странное дело, лицо девушки неуловимо и непостижимым образом прояснилось и даже озарилось отблеском какого-то торжества, но она быстро потупила смущенные глаза.

— Да, наверно, так правильно... Как жаль, что... — она не договорила свою мысль, потом вдруг выложила:

— Я не думала, что у меня это так будет... Что ж... Можно? — Она как-то двусмысленно улыбнулась и осторожно дотронулась кончиком указательного пальца до моего обмякшего, свисающего между бедер пениса. — Какой... непонятный, — подобрала она выражение и погладила его подушечками пальцев так, как гладят котенка по спине. — Ничего, что я...

— Ничего, — — прохрипел я, чувствуя, как во мне вновь закипают сперматозоиды. Кто знает, может, все-таки эта античная статуэтка из полупрозрачной матовой и трепетной плоти — подарок судьбы? И мне в ту минуту, когда мозг заполняют последние отравленные углекислотой видения, будет легче умереть, сцепившись в предсмертной судороге с ее гибким телом?

Вода прибывала медленнее, но все также неотвратимо. Мы пробирались вверх по наклонному полу, цепляясь за ручки дверей и за все, что попало под руку. Шагов через пять я услышал за спиной пронзительный вскрик. Обернувшись, увидел наполненные ужасом глаза девушки: течение медленно вращало и несло труп мужчины с выпученными глазами, и шероховатая ткань его пижамы коснулась ее обнаженной ноги. Я оттолкнул пяткой мертвое тело, и мы двинулись дальше. Нам попало еще пять или шесть подобных подарочков, плавающих в самых невероятных позах. Дышать становилось все труднее. Не мы одни оказались такими умными: бар на нашей палубе был наполнен людьми, в разной степени одетыми и пребывающими в различных стадиях прострации. Все они занимались приблизительно одним и тем же делом: бродили по колону в воде по помещению и подбирали разбросанные по всем углам бутылки. Один из них, опорожнив пузырь, зажмурил глаза, задрал, как жеребец, подбородок и попытался перочинным ножом вскрыть себе сонную артерию, но пропорол только трахею и, отбросив ножик, принялся кружиться, жмуря глаза и зажав горло пятернями. По мохнатой груди потекла розовая пена и воздух со свистом вырывался между пальцами.

Не смущаясь своей абсолютной наготы, я подошел к тому месту, где громоздилась груда бутылок, и выбрал себе одну, с широким горлом, наполненную душистым гавайским ромом. Я откупорил ее и начал пить прямо из горлышка, запрокидывая голову и двигая кадыком, и тут почувствовал, что она — эта девушка в моей рубашке — стоит спиной, почти касаясь меня, и смотрит на меня как на ЕЕ МУЖЧИНУ или как на господина Бога, который сотворил ее женщиной.

Задохнувшись, я оторвал бутылку от рта.

— Теперь я, — девушка протянула руку и, точно так же запрокидывая голову со спутанной куделью мокрых волос, двигая хрупким точеным горлом и задыхаясь, начала пить из

бутылки.

Господи, Господи, почему же ты так жесток, Господи?! Почему человек, твое самое чудесное творение, должен так мучительно и тупо умирать? Почему эта женщина с таким нежным и хрупким горлом, с такими упруго острыми сосками груди, смотрящими из-под мокрой рубашки прямо мне в глаза, должна задохнуться, разодрать свое чудесное тело в невыносимой агонии, захлебнуться собственной рвотой и углекислотой? Господи, Господи, почему ей больше не суждено увидеть солнце, набрать в легкие головокружащего нектара лугового воздуха, почему ей не суждено родить и прижать к этой груди пухлое тело ребенка — моего ребенка? Господи, может, я смирился бы, может, мне было бы хоть чуточку легче, если бы после меня хоть что-нибудь осталось!

— Женщина! — вдруг услышал я чей-то крик и обернулся. — Смотрите, женщина, женщина! — Потешный толстячок с выпученными под очками с золотой оправой глазами показывал пальцем на мою спутницу.

Я быстро окинул взглядом зал и вдруг понял, что она — единственная особь женского пола здесь. Не знаю, куда вдруг делись все эти свои в доску разбитные тетки, что в течение плавания каждый день вытаптывали прогулочную палубу, толпились возле всех стоек всех корабельных баров и мотали отвислыми грудями на всех танцплощадках — может, они спаслись, успели попрыгать в шлюпки, или их затоптали и раздавили в коридорах и на трапах? Может, они позапирались в своих каютах и там ждут смерти, вознося посережними губами молитвы богородице деве Марии?

— Женщина, женщина! — подпрыгивая, полубезумно кричал толстячок, тыча пальцем куда-то вниз.

Я посмотрел туда — по внутренней поверхности бедра моей подружки все еще стекала тонкая струйка крови, и эти несколько багряных капелек мгновенно обратили это потерянное, подавленное общество в самое озверелое стадо. Все взоры были обращены к нам, мужики ломались с безмозглым упорством животных, давя и отталкивая друг друга. Я никогда не видел и не мог себе представить столько тупых лиц, охваченных скотской одержимостью. Неужели и я был такой? Как она снесла меня?

Бойкий толстячок уже избавился от своих доспехов и отплясывал в полуметре от нас какой-то уморительный танец сатира, высоко задирая глобусовидные ляжки, и его гениталии трепыхались под подушечным животиком, словно севшая в пах сиреневая бабочка. Меня вдруг охватила дикая ярость. Тупые самцы! Чего захотели! Словно меня уже нет! Я схватил табуретку и заорал:

— Не подходи! Убью! Кто посмеет тронуть ее... Скоты! — Я изо всей силы швырнул скачущему по-козлиному толстячку табуретку под живот. — Не смей! — вопил я, хватаясь за новую табуретку, но в этот момент меня стукнули сзади чем-то тяжелым по затылку и в глазах стало стремительно темнеть.

Я успел увидеть, что какой-то громада с перекоренной физиономией боксера схватил девушку и бросил на ближайший стол с такой силой, что ее голова запрокинулась назад почти под прямым углом, и подумал: «А не сломал ли он ей шею?» Потом стало совсем темно, и я с облегчением решил: «Слава Богу, меня убили. Как хорошо, почти совсем без боли», и потерял сознание.

Очнулся я от нечеловеческого вопля. Я разлепил веки. В полуметре от меня, как две бронзовые стопы Колосса Родосского, из воды выходили две загорелые, облепленные

мокрыми черными волосами ноги. Белый облачный зад над ними с двумя отчетливыми ямками от напряжения мышц позади бедренных сочленений равномерно раскачивался, сладострастно замирая в крайних точках. Коричневый, влажный пенис, похожий на чудовищно распухшего дождевого червя, с плотоядным хлюпаньем входил и выходил между двух белых гибких бедер, загнутых вниз, к воде — ягодицы приносимой в жертву лежали на самом краю стола, а с его противоположной стороны, свешиваясь почти до воды, влево и вправо, издавая одичалые вопли, прерываемые неопишным рычанием, моталась на откинутой назад шее ее голова с безумными глазами и искаженным ртом. Полдюжины «жрецов», ожидая своей очереди, топтались тут же, терзая своими руками ее груди, плечи, живот, тыкались напряженными, с проступившими каплями спермы членами в ее бока. Другие, бродя по залу, подбирали бутылки, пили, мастурбировали, будоража измочаленную плоть для нового захода.

Прогнувшись и замерев с открытым ртом, бронзовоногий гигант кончил и, вытащив дряблеющий, влажный, задыхающийся в последних конвульсиях член и держа его в руке, словно некий вынесенный из горящего храма общенациональный трофей, поплелся прочь, выхватил на ходу из воды бутылку и, отбив горлышко, начал жадно пить.

Следующий из них, парень лет тридцати, с которым я во время круиза не раз играл на верхней палубе в теннис и который все время изображал из себя местную ипостась Клода Ван-Дамма, внезапно упал перед разверстым лоном девушки на колени и принялся с чмоканьем вылизывать промежность, вздрагивая и задыхаясь. Потом, почти в прыжке, вогнал в нее свой инструмент и начал безумный танец, задирая почти её на грудь правое колено и толкая так, словно хотел распороть пенисом живот. Она выла и хрипела, и я недоумевал, как в этой грудной клетке, казавшейся совсем субтильной, умещалась такая сила, и неожиданно понял, что эти скоты всем стадом довели ее, женщину с получасовым всего стажем, до самого озверелого оргазма.

Господи, ведь это я привел ее сюда, я, которого она называла «СВОИМ МУЖЧИНОЙ»! Господи, Господи, может, это и к лучшему? Она больше не человек, она сейчас всего лишь секс-машина, воющее, заливающееся чередой оргазмов чудовище, без мыслей, без страха, без осознания неотвратимо надвигающегося конца. Она уйдет из жизни, не осознавая того, затопленная каскадами сладострастных спазмов, погрузившись в блаженное беспамятство, которое Бог почему-то даровал только женщинам.

Господи, Господи, зачем ты дал нам, мужчинам, наш безжалостный рациональный мозг, трезво и безотказно переваривающий этот мерзкий мир до самого последнего момента, вплоть до самой невыносимой муки? Почему ты не ниспослал нам милосердия забытья? Я нашел глазами бронзовоногого гиганта и увидел, как он тоскливо, явно мучимый нарастающим отчаянием, по колено в воде бродит у дальней стенки бара, все еще держа в левой руке свой съезжившийся член, а в правой — бутылку с отбитым горлышком. В этот момент девушка под напором атлета взвыла особенно дико и неестественно прогнулась, рельефно обозначившиеся мышцы застыли в невероятном напряжении, из запрокинутой глотки вырывался клекот. Ждущий своей очереди позади теннисиста полнолицый мужчина, известный нам в том, докатастрофном мире, как пастор, не выдержал и совершил вокруг своего странно белого толстого пениса несколько мастурбирующих движений и окатил спину замершего над жертвенным столом атлета белесой струей. Секунду спустя пружина где-то внутри взведенной секс-машины лопнула, она моментально обмякла и безвольно

распростерлась по столу, откинув голову, словно сломанная кукла. — Она умерла? — растерянно пробормотало локальное олицетворение Ван-Дамма. — Что с ней?

— Давай, давай, братец, если она и отдала концы, то все равно еще теплая. — И эти скоты глухо захохотали в сгущенном, тяжелом, насыщенном винными парами воздухе.

— О, черт! — вдруг взорвался бронзовый колосс. — Когда же все это кончится? Я не вынесу! Зачем я? Зачем все это? Когда же я сдохну? — орал он, потрясая сжатыми кулаками. — Какая мразь, — он усталился себе в низ живота. — О, гадость, — и неожиданно бутылкой с разбитым, торчащим острыми зубьями горлышком он яростно нанес удар себе в пах.

От боли гигант запрокинулся назад, ревя, как пароходная сирена; все ошалело смотрели на него.

— Мерзость, мерзость! — корчась и захлебываясь криком, он нанес еще несколько жестоких, оскопляющих тычков, и его изувеченные гениталии повисли под животом на лохмотьях кожи в потоке крови. — Почему я не умер по-человечески?! Это все она, она! Пустите, я убью ее! Это все она! — В глазах его мелькнул маниакальный проблеск, занося руку со своим страшным орудием, колосс шатнулся к столу, но его оттолкнули, и он упал и забился в воде, поднимая целое цунами быстро краснеющих волн.

Все замерли, атлет полупарализованно сполз с жертвы и начал блевать, перегнувшись пополам, вздрагивая в потугах, он пошел к двери — умирать в одиночестве.

— Псих! — услышал я короткое и презрительное. — Все равно все сдохнем, так хоть позабудемся напоследок, — и я увидел, как новый герой вразвалку подходит к алтарю и начинает очередную безумную пляску.

И в то время как бронзовоногий испускал дух, истекая кровью и захлебываясь розовеющей водой, конвейер любви заработал вновь, сотрясая и заливая спермой бесчувственное тело, чередуя раз за разом в припадающих к этому трону забытья мужчинах приливы наслаждения с приступами отчаяния, заполняющего их души по мере того, как их чресла покидало семя... Господи! Зачем ты так жесток? Как я завидую ей, для которой уже все кончилось! Почему я не женщина? И я бы лежал сейчас рядом с ней, принимая в себя их багровую, готовую взорваться плоть, растворяясь в потоке оргазмов и конвульсиях сладострастия!

— Боже, боже, о чем я думаю! Я сошел с ума! Но почему бы и нет? Ведь мужчины и женщины так похожи друг на друга и устроены почти одинаково! Вдруг мне удастся, у меня получится? Ведь все равно умирать! И главное, никто ничего не узнает — ведь смерть смывает все следы...

Отчаянным рывком я вскочил и метнулся к лобному месту, расталкивая млеющих от эротической маеты самцов, колотя их направо и налево.

— Пустите меня! Пустите!

— Козел, здесь очередь! — Они хватили меня и били, но мой порыв был слишком стремителен, чтобы меня мог кто-то удержать.

Отпихнув очередного хрюкающего от удовольствия борова, я взлетел на стол, встал на четвереньки так, что руки мои уперлись в столешницу возле плеч девушки, а таз ее оказался между моими коленями, и заорал:

— Ну что же вы? Давайте! Я тоже хочу!

— Псих! — буркнул кто-то. — Спятивший гомик.

А я вилял задницей и выкрикивал:

— Ну что, слабо мужика? Вы можете только полумертвую девчонку!

Крутя головой и оглядываясь через плечо, я видел вздыбившиеся кадуцеи, окружающие

меня частоколом орудий некоей немислимой мистерии, и предвкушение непостижимого испытания чувств охватило меня, томительно сжало что-то в животе. Вспомнив о смазке, я зачерпнул пригоршню той каши, что они наделали между бедер девчонки, и мазанул себя в промежности:

— Ну, давайте! Я не хуже ее!

Видимо, этот мой жест некоторым образом утвердил преемственность, и я доконал их. Горячий и упругий жезл уперся мне в нежную мякоть под копчиком и попер вперед. Я посмотрел под себя, вдоль живота, и увидел позади и ниже моих яиц два кругляша волосатых, розовых чужих яиц. Я ожидал ярко выраженной муки, но было лишь ощущение распирания и тепла, потом вдруг накатился сильный, резкий толчок, вспышка острой боли, и меня затрясло от частых напоров чужого тела. «Господи, Господи, пошло!» — почти простонал я, и мне почему-то пришла в голову прочитанная в какой-то книжке давным-давно история о старом самурае, который, по обычаю своей страны сделав себе харакири и не вынеся ожидания все не идущей смерти, принялся кромсать себе горло. Но где мой кинжал?

Я огляделся по сторонам. Мне бросился в глаза один пенис, громадный и узловатый, словно корень могучего дуба, торчащий из-под впалого, коричневатого, как у йога, живота костлявого верзилы с ребрами, распирающими кожу. Ни слова не говоря, раскачиваясь от толчков сзади, я схватил это чудовище за основание. Это было настоящее чудо — живой, дышащий, напрягающийся корень дуба, и несколько секунд я загипнотизированно заглядывал в отверстие его головки, потом, почти скребя по нему зубами, отправил себе в рот. Мужчина вскрикнул и подался ко мне бедрами, едва не задыхаясь. Окутанный неведомой мне ранее жаркой волной, я захватил пенис губами и начал мастурбировать, вода головой вверх-вниз и упираясь языком в солоноватую головку, четко ощущая крупное, раздавшееся отверстие в ней, в то время как мой партнер, ухватив меня за волосы, тихо застонал.

Я больше не чувствовал, когда и сколько раз начинали и кончали мои партнеры с тыла, все мое существование, вся моя жизнь сосредоточились вокруг борьбы с чудовищно кряжистым стволом в моем рту. Он то пролезал, вызывая позывы тошноты, мне в глотку, и мои губы почти упирались в дряблую кожу мошонки, то крутился почти у моих зубов, и верзила, подвываяще постанывая, давил себе рукой на яйца, а я терся небом о его макушку, щекотал языком его складки и разбухшие вены, почти грыз его и видел, как капли крови стекают вниз по редким белесым волоскам мошонки вниз. По моим прикидкам уже три или четыре самца обогатили мои аналы своим семенем, но этот уникальный йог все маялся, пока, наконец, сделав рукой несколько возвратно-поступательных движений вдоль своего корневища, он не затопил мою пасть упругой струей теплой жижи.

Но изумительный ствол моего йога обмяк лишь чуть-чуть. Не вынимая его у меня изо рта, он только нажал пальцем на точку в промежности, и его чудовищный удав вновь пополз к моей глотке. Но теперь этому бревну пришлось делить мое внимание с тем наплывом событий, который шел на меня с тылового фронта: пульсировавшая вначале боль все более перетекала в невыносимо сладострастный зуд, распространяющийся вокруг сфинктера. Набрякшая кровью головка моего члена обрела поразительную чувствительность и при безвольной, мягкой эрекции елозила по голому животу девушки, заставляя меня при каждом прикосновении содрогаться всем телом вплоть до позвоночника. Я кончил почти одновременно с моим партнером сзади, трясаясь и заливая ее спермой. Увидев это, мой монстроидальный йог задвигал бедрами, яйца его почти втянулись в живот, потом новая

горячая струя хлынула в мой рот, и он, закрыв глаза, вытащил из меня свою распаренную и окровавленную дубину. Я был в изнеможении, с губ моего распахнутого рта крупными каплями стекала сперма, я хрипел что-то вроде «хватит, хватит», но кто-то сзади вновь схватил меня за ляжки и стал впихивать свой жезл. Какой-то юноша с просвечивающим пушком на лобке тыкал мне в лицо свою розовую, нежную плоть, но я ее выталкивал языком, и в конце концов он лишь обрызгал мне подбородок. Тогда ко мне спереди подошел тот громила, что в самом начале так жестоко поверг мою спутницу на этот стол, и, взяв меня за щеки, отжал ладонями мою нижнюю челюсть вниз и впер мне в горло свой бутристый поршень. Я вдруг вспомнил, что мне все равно умирать и, главное, надо отключиться. Сердце мое билось в груди с такой силой, что, кажется, я раскачивался взад-вперед под действием его ударов, а не от остервенелых толчков в рот и в прямую кишку. Очередной маньяк у моей кормы принялся в такт своим совокупающим движениям мастурбировать мой член. Когда громила спереди пригибал мою голову книзу, протыкая свое горячее мясо, кажется, мне до самых мозгов, я видел багровую головку собственного порядком истерзанного приятеля в обрамлении чужих рук. В один из таких моментов канал его выстрелил, и первые капли белой спермы долетели почти до подбородка девушки, но остальная порция вялыми соплиями стекла вниз. Я впал в транс: если бы не два шомпола и не тискающие меня снизу руки, я бы упал плашмя. Потом вновь с неизвестно откуда взявшейся энергией я затряс головой, мастурбуя губами едва вмещающийся во рту пенис громилы, и яйца его прыгали перед моими глазами как баскетбольные мячи, брошенные в авоську. Я задыхался и летел куда-то странным образом, как-то наискосок, правым плечом вперед, и это продолжалось необъяснимо долго, но когда наконец его пенис подпрыгнул, выбрасывая первые каскады семени, где-то позади вдруг грохнули два выстрела.

До сих пор не знаю, как объяснить все последующее. Эти обезумевшие в животной страсти и от отчаяния надвигающейся смерти мужчины самым непостижимым образом в считанные мгновения превратились в стадо испуганных оленей. Они бежали почти с бабьими взвизгами, поднимая фонтаны брызг, сталкиваясь и опрокидывая друг друга и тычась в толкучке друг другу в бока и зады. Козел, терзавший меня сзади, неуклюже вытаскивая свою рапиру, — повалил меня на бок, и я упал почти без чувств в воду.

Посреди бара стояли три моряка из экипажа лайнера в полной форме, спокойные и холодные, и один из них, в офицерском кителе, держал в руке дымящийся пистолет и выкрикивал:

— Все по каютам! Все по каютам! Свињи!

И они бежали от него, трясая телесами, карабкаясь друг-другу на спины у дверей.

— Все по каютам!

Я пребывал в удивительном состоянии. Тело мое лежало недвижимо в воде и я не знал даже, дышу я или не дышу, но в это время сознание мое, словно отделившись от этой измочаленной оболочки, витало под потолком помещения, прохладно и трезво наблюдая происходящее. Я подумал, что, наверно, я умер, но эта мысль почему-то только подогрела любопытство отвлеченно витающего в пространстве сознания.

После того как последние из охваченных паническим ужасом сатиров выскочили прочь, тот, что был в офицерском кителе, сухо приказал:

— Закройте дверь. Снимайте вон ту панель — под ней должен быть аварийный запас спасательных жилетов и несколько аквалангов, если этот козел-буфетчик их еще не пропил.

Потом он подошел к распростертой на столе девушке и, бросив на нее оценивающий взгляд, добавил:

— Экий карьер здесь эти жеребцы пропахали.

Я на него, наверно, произвел впечатление давно мертвого и уже холодного.

Матросы сняли панель, и под ней действительно оказалась ниша, забитая пробковыми жилетами и баллонами. Один из них поднес жилет и акваланг офицеру. Тот аккуратно положил пистолет на сухое место рядом с девушкой, потом стал методично снимать китель, рубашку, брюки и складывать их тут же. Матросы действовали гораздо менее церемонно, и один из них, уже в полном подводном снаряжении, начал отвертывать медные барашки у окна.

Поразительное дело, но я наблюдал все происходящее гораздо яснее и отчетливее, чем это обычно бывает. Кажется, у меня даже проявились некие уникальные способности: например, с того места, где я лежал, я не мог видеть пистолет офицера, но я непостижимым образом четко знал, где он находится, и даже почини явственно ощущал, какая шероховатая должна быть у него рукоять. Я отдельно, звук за звуком, слышал, как они переговариваются.

— Мы могли бы помочь выбраться этим бедолагам, вместо того чтобы загонять их в каюты, — говорил тот, что начал отвертывать барашки у окна.

— Ничего бы не вышло, — глухо отвечал офицер. — Паника — самая опасная вещь на море. Эти скоты просто смяли бы нас и передавили друг друга. У нас самих шансов не так-то много.

— Ерунда, — откликнулся разбитной малый, который принес офицеру жилет и акваланг, — всего каких-то пятьдесят метров. В войну подводники выныривали с подводных лодок с двухсот метров без всяких аквалангов, предварительно протиснувшись через торпедные аппараты. Молодец кэп, что успел направить нашу лоханку к этому островку, а то бы нам крышка, — бормотал он, продевая руки в ремни аквалангистского снаряжения, а в моем сознании отчаянно шевелилось: «Гады, гады, не сберегли судно, а теперь бегут, как крысы, а нас оставляют задыхаться, подышать здесь! Какие гады! Неужели мы умрем?»

— А вам не кажется, — продолжал балагурить разбитной морячок, — что мы упускаем уникальнейший случай в морской практике? — Сейчас он, не отрываясь, смотрел в раскрытое перед ним лоно девушки, по-оленьи поводя ноздрями. — А? На глубине пятьдесят метров ниже уровня моря, в полном аквалангистском снаряжении? — Он приспустил трусы казенного образца так, чтобы резинка подпирала яйца, и предъявил к опознанию свою лиловую шишковатую колотушку. — Нет, я себе не прощу, если упущу подобный случай.

— Брось, — прохрипел тот, что стоял у окна, — ты что, взбесился?

Но моряк в офицерском кителе молчал, косо усмехаясь.

— Айн секунд, как говорится, моменто в море, — жуир ухмыльнулся и подмигнул зрачку своей раздувшейся, стоящей торчком дылды, и обратился к ней:

— Что, приятель, соскучился по белому мясу? Ничего, потерпи еще чуточку. — Он сунул себе в рот загубник акваланга и, отклоняя свой член вперед, стал запровалять его в вагину девушки. В этот момент меня пронзила невыносимая боль — словно раскаленным прутком прикоснулись к моей промежности. Начав кричать еще в воде, я вскочил, точнее говоря, сел по пояс в воду, схватил пистолет и выстрелил в грудь насильнику. Тот отступил на шаг и упал в воду. Не переставая выть, я выстрелил еще два раза — в побледневшее лицо офицера и в голову моряка возле окна. Потом осатанело метнулся вперед, к бьющемуся в воде жуиру и стал рвать из его оскаленных зубов загубник акваланга. Схватив липкую от крови резину

губами, я сделал несколько вдохов кислорода. Блаженное полубеспамятство вскружило мне голову. Вполне отстраненно я пронаблюдал, как матрос, вываливая изо рта облачка крови, корчится под водой и замирает, сведенный последней судорогой. Почти теряя от слабости сознание, я снял с него пробковый жилет и по-настоящему надел акваланг. Сил открывать окно-иллюминатор у меня уже не было, и я попросту разрядил в него остаток обоймы. Отчетливо, словно в замедленном кинофильме, я увидел, как в толстом корабельном стекле возникли три аккуратные дырочки, между ними, соединяясь, зазмеились трещины, потом стекло вдруг раздробилось и водопад хлынул в помещение экс-бара, пенясь, расшвыривая табуретки, переворачивая и кидая трупы (кроме застреленных мною моряков здесь лежали, по крайней мере, еще тело бронзового гиганта и перерезавшего себе горло долговязого), пустые бутылки. В сгущенной атмосфере я едва слышал вскрик позади меня — поток воды, долетев до девушки, поднял ее и понес, ударяя о столы и захлестывая пеной, — суровое омовение древнего бога Нептуна. Я бросился следом в кипящее течение, поймал ее за лоскут разорванной рубашки, прижал к стене и сунул в рот загубник своего акваланга.

— Мы спасемся! — кричал я ей в ухо под ударами жестких соленых брызг. — Мы будем жить! — И чувствовал задышающееся, хватающее живительный газ движение ее ребер и клочкотание в горле.

Мертвого офицера закрутило почти возле нас. Я сорвал с него баллоны и надел на девушку. Когда помещение почти полностью заполнилось и все успокоилось, я замотал ее в два спасательных жилета и отбуксировал к разбитому окну, в которое уже совались любопытные рыбешки. Табуреткой выбил остатки стекла и вытолкнул ее наружу. На это ушли последние остатки моих сил, и я повис, наполовину выбравшись из корабля и перевесившись через борт. Я не мог шевельнуться добрых минут пять. Девушка все это время висела возле меня, словно кокон, замурованный в толщу зеленоватого стекла. Возможно, она была опять без сознания. Наконец сосредоточившись, я оттолкнулся от шероховатой металлической обшивки погибшего лайнера, подхватил ее под мышки и, медленно, едва шевеля ногами, начал наше печальное восхождение вверх, к расплюсченному изумрудному солнцу где-то там, в другом мире